

Исупова С. М. Становление реализма как способа художественного постижения действительности в прозе Лажечникова 1840—1860-х годов / С. М. Исупова // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 144—154. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-144-154.

Isupova, S. M. (2019). Formation of Realism as a Way of Artistic Comprehension of Reality in Lazhechnikov's Prose of 1840—1860s. *Nauchnyi dialog*, 11: 144-154. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-144-154. (In Russ.).

УДК 821.161.1Лажечников.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-144-154

СТАНОВЛЕНИЕ РЕАЛИЗМА КАК СПОСОБА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОСТИЖЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПРОЗЕ ЛАЖЕЧНИКОВА 1840—1860-х ГОДОВ

© Исупова Светлана Михайловна (2019), orcid.org/0000-0002-9439-6987, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет» (Киров, Россия), nat.shulateva@yandex.ru.

Статья посвящена становлению художественной системы реализма в прозе И. И. Лажечникова 40—60-х годов девятнадцатого столетия. Материалом исследования стали последние романы писателя. Новизна работы видится в том, что проза И. И. Лажечникова этого периода практически не изучена. Доказывается, что в этот период писатель ставил перед собой задачу достоверного изображения жизни в типических характерах, отказываясь от идеализации героев. Выполнен обзорный анализ незаконченного романа «Колдун на Сухарево башне». Высказывается предположение, что это произведение было не завершено по причине двойственности художественных задач, которые ставил И. И. Лажечников. Отмечается, что писатель, сохраняя исторический колорит эпохи, уже отходит от романтического изображения действительности. Также анализируются романы «Беленькие, черненькие и серенькие», «Немного лет назад». Акцентируется внимание на том, что в поздний период творчества Лажечникова гротескный способ изображения действительности выражает мировидение писателя, в подаче различного рода характеров чувствуется гоголевская и щедринская манера письма. Автор останавливается на анализе романа «Внучка панцирного боярина». Отмечается, что исторический роман возрождается в новой форме, Лажечников осмысляет исторические коллизии в человеческой психологии, ассоциируя современность с историей. Как показало исследование, в процессе перехода писателя к новому методу начинает изменяться его художественная система воспроизведения типичных явлений действительности.

Ключевые слова: художественная система; реализм; роман; способы изображения; жанр.

1. Изучение творчества И. И. Лажечникова 1840—1860-х годов

Художественная проза Лажечникова 40—60-х годов XIX века в настоящее время практически не изучена. В критике тех лет она высокой оценки не получила, к тому же детально и не рассматривалась. Позднее С. А. Венгеров, анализируя этот период творчества Лажечникова, сетовал, что у писателя «после “Басурмана” уже начинается жизнь под гору» [Венгеров, 1994, с. 95]. Интерес исследователей советского времени был направлен преимущественно на изучение биографического материала писателя. Так Г. С. Литвинова в диссертации «Творческий путь И. И. Лажечникова» лишь обзорно коснулась произведений 1840—1860-х годов [Литвинова, 1960], а Н. Г. Ильинская в своем труде сделала акцент только на исторических

романах писателя 30-х годов [Ильинская, 1969]. В литературоведении новейшего времени мы выделяем две работы по интересующей нас тематике: диссертацию А. В. Чирковой, сосредоточившей внимание на историко-культурном контексте романов И. И. Лажечникова 30-х годов [Чиркова, 2006], и объемную публикацию Е. А. Прокофьевой, посвященную изучению мифопоэтики исторических драм писателя, созданных им после романа «Басурман». В этой статье выявляются и анализируются подтекстовые слои исторических трагедий Лажечникова, а также отмечается, что в творчестве писателя середины XIX века (и в драматургии, и в прозе) «отразился процесс перехода от романтизма к реализму» [Прокофьева, 2010, с. 34].

Цель предлагаемого исследования — показать становление художественной системы реализма в позднем творчестве И. И. Лажечникова.

2. Переход И. И. Лажечникова от романтической художественной системы к реалистической

Характерной чертой литературы этого периода стала демократизация художественного сознания. Это было время идейных исканий. «Во второй половине 1850-х годов рождается особая разновидность романа, оперативно реагирующего на злободневные события и процессы, которые обнаружили пристальное внимание писателей к перипетиям русской жизни» [Корчинский, 2017, с. 82]. В русской литературе этого периода утверждается реалистический метод, что способствует обращению Лажечникова к жизни действительной, хотя историческая тема после завершения романов «Ледяной дом», «Последний Новик», «Басурман» еще находится в центре внимания писателя. В литературе 40—50-х годов активно развивается эпистолярный и дневниковый жанр, возможно, Лажечников, стараясь идти в ногу со временем, начинает работать над историческим романом в эпистолярной форме «Колдун на Сухаревой башне». Незаконченность романа можно объяснить отсутствием соответствующего исторического материала, а также двойственностью художественных задач, которые ставил автор, хотя можно отметить «внутреннюю самодостаточность каждой части текста» [Строганов, 2019, с. 99]. Лажечников стремится сохранить исторический колорит эпохи XVIII века, сфокусировать внимание читателей на дворцовых интригах во времена царствования Екатерины I и Петра II, на исторических реалиях, которые были так близки автору «Ледяного дома». Однако эпистолярная форма романа, как мы отмечали ранее, не давала возможности проявиться субъективно лирической манере повествования Лажечникова [Исупова, 2014, с. 222]. Романтические тенденции еще присутствовали в замысле автора. Это проявляется в заявленном названии романа, связанном с образом Якова Брюса, прославившего в народе колдуном, который умел сотворить «живую» и «мертвую» воду и оживить человека. Однако в центре внимания Лажечникова не романтический образ Брюса, а дворцовые интриги: в первом письме Долгорукого поднимается тема заговора против Меншикова, во втором письме Долгорукий пишет Финку о том, что закончилось правление Екатерины, на престоле должен быть Петр II. Лажечников стремится воспроизвести реалии 20-х годов XVIII века, показать внутренний мир искусственного в заговорах Ивана Долгорукого,

фаворита Петра I. «Заговор был прекрасно устроен, время выбрано самое удобное: мы воспользовались отсутствием Меньшикова в Курляндию, куда он ездил выпрашивать себе герцогство», — пишет Иван Алексеевич Долгорукий в первом письме к Флинку [Лажечников, 1994, т. 1, с. 343]. Стараясь передать исторический колорит, Лажечников упоминает имена реальных людей той эпохи: Василия Долгорукого, Алексея Долгорукого, Остермана, Меньшикова, Анны Иоанновны. Описывая Ивана Долгорукого, автор пытается создать психологически сложный образ. По историческим данным, Иван Долгорукий имел репутацию гуляки и ловеласа, вовлекался в многочисленные развлечения Петра II, однако Лажечников проникает во внутренний мир героя, показывает не только отрицательные, но и положительные его стороны. Честолюбивый, самоуверенный, дерзкий, князь представлен также как верный друг и истинный патриот. «Не прежде увижу Россию, как тогда, когда увижу над ней царем внука Петра Великого и моего товарища детства, моего задушевного друга. О, тогда ожидайте перемен, и перемен больших. Россия. Милое отечество!» [Там же, с. 344]. Создавая психологический портрет героя, писатель показывает искреннюю любовь князя к Наталье Шереметьевой: «Только думать о ней, думать о получении ее руки — вот что мне теперь остается» [Там же, с. 345]. Акцент на изображении внутреннего мира человека через эпистолярную форму монолога составляет уже черту реалистического метода.

Третье письмо от Андрея Ивановича Остермана графу Якову Брюсу вводит еще одного героя, государственного деятеля Остермана. Остерман, участвуя в различных интригах, добился высоких постов в период царствования Петра I и Анны Иоанновны. Осторожный, коварный, умеющий приспосабливаться к ситуации, он пережил двух императоров и двух императриц. Умело проецируя в произведении эти исторические сведения, Лажечников довольно реалистично создает образ хитрого, испытанного в дворцовых переворотах дипломата и вместе с тем мудрого государственного деятеля, патриота, которого тревожит судьба России: «Видели мы много переворотов, но все они имели цель и последствия великие, все они клонились ко благу и славе России» [Там же, с. 346]. Остерман предлагает Брюсу совместно продолжить дело Петра, действовать по совести, остановить власть стариков. Лажечников вводит идею объединения единомышленников, волнующихся за дальнейшую судьбу России. Возможно, главное место в романе должен был занять Яков Виллимонович Брюс, участник походов Петра I, переводчик, ученый, дипломат. Остерман отмечает его «таинственное влияние на народ» [Там же, с. 349]. Здесь своеобразное сочетание установки Лажечникова на историческую точность и в то же время элементы романтической линии сюжета, связанной с мистическими моментами в образе Брюса. Словами Ивана Долгорукого автор передает свое восхищение Брюсом: «При свидании доброму, ученому чудаку мой низкий поклон. Я много люблю и уважаю его: он знает меня лучше других — не он ли пророчил мне высокую будущность?» [Там же, с. 345]. В заявленном названии произведения сконцентрирован основной замысел писателя: передать реальные исторические события начала XVIII столетия, связать их с образом энциклопедично образованного ученого. Роман не был закончен, возможно, из-за недостаточности источни-

ков, цензурных соображений или из-за служебной деятельности Лажечникова. Уже в 40-е годы цензура не пропускала без поправок издание романов писателя. Может быть, Лажечников не закончил роман в силу двойственности художественных задач, так как стремление писателя воссоздать конкретные исторические события, дать национально-историческую трактовку действительности не сочеталось с замыслом автора — сделать центральной фигурой произведения алхимика, образ которого закономерно должен был привести к романтическому колориту романа. Размышляя над темой исторического бытия, Лажечников рисует противоречивую послепетровскую эпоху, сопоставляя ее со своим временем, а в этом случае таинственная тема колдовства противоречила поставленной исторической задаче.

Четвертое письмо «от княгини Долгорукой к сыну ее Ивану Алексеевичу» создает новый поворот сюжета. Лажечников рисует образ заботливой и хозяйственной русской женщины, любящей матери, истинной христианки, дающей советы своему сыну: «Помни свой род, будь милостив ко всем, нищую братию не забывай» [Там же, с. 350]. В письме много бытовых деталей, конкретики обыденной жизни княгини Долгорукой. Она сообщает о том, что уродилось много грибов, что мамка Домна отдала Богу душу, о диковинной карлице, всего аршин с вершком. Лажечников стремится показать переживания княгини по поводу невесты сына Н. Б. Шереметевой, у которой «нету теперь ни отца, ни матери» [Там же, с. 350].

Находясь в поисках новой художественной системы, Лажечников стремится отойти от романтической манеры изображения действительности, сблизить роман с реалиями жизни, типизировать характеры персонажей, которые обусловлены общественной средой. Становление реалистической системы проявляется и в органическом слиянии документализма с эпичностью повествования. Лажечников ставит перед собой задачу реалистичного изображения жизни. Возможно, поэтому нет в письмах таинственности, облеченной в метафорические конструкции, что свойственно романтическому стилю, а манера повествования в романе отличается простотой изложения. В последующих произведениях писателя произойдет углубление реалистической манеры, почвой для жизненных коллизий будут отношения не только политического, но и бытового плана.

3. Полуавтобиографический роман «Беленькие, черненькие и серенькие»

В 1856 году Лажечников пишет роман «Беленькие, черненькие и серенькие». По мнению С. А. Венгерова, роману «еще большую прелесть и привлекательность придадут эпическая простота и спокойствие, с которыми разработан сюжет» [Венгеров, 1994, т. 1, с. 100]. Действительно, эпическая простота, принцип объективности повествования, обращение к проблемам эпохи, типизация характеров и обстоятельств — все это дает возможность утверждать, что Лажечников, стараясь соответствовать времени, создает реалистическое эпическое полотно. «В “Беленьких, черненьких и сереньких” автор изображает современность как историю, воссоздавая события собственной жизни» [Сорочан, 2008, с. 27]. Начало романа содержит аллюзию на пушкинские прозаические произведения: предисловие издателя в книге «Повести Белкина» и «Историю села Горюхина», этим Лажечников усиливает достоверность

изображаемых событий и преподносит их как семейные предания. Лажечников пишет о том, что, разбирая бумаги покойного Ивана Максимовича Пшеницына, он «нашел несколько рукописных тетрадей, хранившихся вместе под одной обложкой, на которой была затейливая надпись: “Беленькие, Черненькие и Серенькие — списаны на поучение и удовольствие моих потомков”» [Лажечников, 1994, т. 1, с. 113]. Автор вспоминает свои детские годы, вводит в повествование автобиографического героя Ивана Максимовича Пшеницына. Писатель не наполняет сюжет событийностью, что было характерно для исторических романов 30-х годов. В названии произведения, в развитии сюжета, в подаче различного рода типичных характеров чувствуется гоголевская манера письма. Противопоставляя «беленьких» и «черненьких», Лажечников вводит образы «сереньких», подчеркивая многогранность и противоречивость человеческого характера. Например, добрая и обаятельная Прасковья Михайловна была честолюбива, необразованна, часто груба со слугами. Писатель создает образы, вбирающие в себя характеры людей, которые проявляются в типизации обстоятельств перед войной 1812 года. Композиционной особенностью произведения является образ медленно текущего времени, однако представлено «не одно универсальное время, но множество гетерогенных временных измерений» [Фаритов, 2017, с. 171].

В романе всего три сюжетные линии. Линия «беленьких» (Катя Горлицына и ее отец), которые живут по высоким нравственным законам, линия «черненьких» (городничие города Холодни) и линия «сереньких» (мещан-обывателей). «Беленькие» и «черненькие», по мнению Лажечникова, — носители добра и зла, а «серенькие», являясь промежуточным звеном, совмещают как положительные, так и отрицательные стороны. Писатель затрагивает тему «сереньких» уже в первой главе. Изображая семейство Пшеницыных, автор романа описывает различные характеры, привычки, образ жизни этих людей. Мать Вани была «властолюбивая дома, где все ходило по ее ниточке», но «домашних очень любила», была сиделкой у свекра [Лажечников, 1994, т. 1, с. 123, 132]. Максим Ильич «имел приятную наружность, сердце доброе, светлый ум и стремление к дворянской жизни, чему способствовали немалые связи его отца» [Там же, с. 124]. Лажечников находится в поисках нового художественного изображения. Слуги Пшеницыных в большей степени представлены в положительном ключе (Ларивон, нянька Домна), хотя писатель проводит своеобразную идентификацию героев, выделяя и «черные» личности, такие как кучер Кузьма. Стремясь передать атмосферу жизни действительной, Лажечников делает яркие бытовые зарисовки жизни жителей Холодни, соседних деревень, создает поэтическую картину России. Вторая тетрадь — своеобразная хроника описания жизни городничих. Здесь гоголевские традиции прослеживаются в сатирическом освещении чиновников и помещиков. Автор романа описывает Насона Моисеевича Моисеенко — человека с лицом наподобие высушенного яблока, Модеста Эразмовича, пораженного «взоры ослепительным блеском солитера на указательном пальце» [Лажечников, 1994, т. 1, с. 157]. Преемником его выступает Герасим Сазонич Поскребкин, который ворует все, что «под руку попадет» [Там же, с. 162]. В изображении чиновников Лажечников использует сатиру, предвзялая галерею гротескных образов Салтыкова-Щедрина.

В третьей главе романа писатель дает изображение «беленьких»: соляного пристава, его дочери, Ивана Сергеевича Волгина, офицера Селезнева. Можно предположить, что Лажечников развивает и тему «маленького» человека, задавая идеальную доминанту в изображении Горлицына и Кати. Александр Иванович отказывает себе во всем, как Акакий Акакиевич, с трепетом бережет пару из английского сукна, соблюдая приличия, ради дочери занимает из шкатулки скопленные сто рублей. Честность, бережливость, понятие чести, готовность к самопожертвованию становятся доминирующими чертами «беленьких» людей. Им Лажечников противопоставляет людей «черненьких»: майорскую дочь Четечкину, Герасима Поскребкина, исправника Трехвостова и других чиновников. Именно в это время писатель отдает дань обличительной литературе, подчеркивая отрицательные стороны жизни. Реалистическое искусство, по мнению Лажечникова, является истинным богатством жизни. Борясь за правду в искусстве, писатель участвовал в полемике против либерального обличительства, высоко ценя сатиру Салтыкова-Щедрина и Гоголя.

4. Социальная тема в романе «Немного лет назад»

Накануне реформы об освобождении крестьян Лажечников начал работать над романом «Немного лет назад». Произведение было опубликовано в 1862 году, в это же время в печати появился роман Тургенева «Отцы и дети». Так же, как и в романе Тургенева, действие происходит в предреформенное время. События охватывают 8 лет, заканчивается произведение 1861 годом. Изложение истории семьи Патокиных позволяет автору поднять в произведении целый ряд злободневных проблем, включить в текст размышление об экономической отсталости России, ввести нового героя времени Ореста Лебединского. Типологические связи произведений Лажечникова и Тургенева свидетельствуют об общности идейно-эстетических позиций Евгения Базарова и Ореста Лебединского. Лажечников раскрывает типические черты демократа-разночинца, однако не наделяет героя нигилистическими настроениями. Лебединского отличает любовь к искусству, природе, автор отмечает сценический талант героя. В спорах с Владимиром Патокиным и Дуней раскрывается мировоззрение Ореста Лебединского, который не приемлет несправедливости, ратует за освобождение народа, не принимает его безграмотности и безволия. Тип разночинца-демократа был уже довольно распространен в русской литературе того времени, разновидности этого типа можно встретить в произведениях Чернышевского, Тургенева, Бажина, Слепцова, поэтому Орест Лебединский Лажечникова, хотя и выглядит художественно бледнее, чем Базаров, может занять определенное место в литературе среди представителей разночинно-демократического лагеря. В романе «Немного лет назад» углубляется социальная проблематика, усилен социально-критический и обличительный пафос [Исупова, 2015]. В изображении представителей правящего класса также реализуются гоголевские традиции. Елизар Опенкин имеет черты Плюшкина, Хрюкановский — Собакевича, а молодой Самсон Опенкин напоминает Чичикова. В этом романе налицо углубление критической направленности, становление важных социальных проблем: произвол правящего класса, обличение взяточничества, разорение дворянских поместий, тягостная судьба простого народа. «К началу 1850-

х годов на первый план в литературном творчестве вышла социальная тема: человек осмысливается, прежде всего, в отношении к внешней среде, критически оцениваемой автором» [Федосеева, 2018, с. 120]. Учитывая новые тенденции русской литературы, Лажечников, как уже было сказано выше, обращается к опыту Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Юмор писателя при типологической и генетической близости к Гоголю больше напоминает гротескную манеру Салтыкова-Щедрина. Все художественные элементы романа связаны с приемом гиперболизации, карикатурными зарисовками. Именно в гротескной манере изображения выражается субъективное отношение Лажечникова к героям. Писатель, оперируя яркими сатирическими деталями, создает гиперболизированные образы чиновников, например, Никодима Ивановича Хрюкановского: «В комнату ввалилась неуклюжая фигура в виде надутого шара, готового лопнуть, на двух медвежьих лапах, с двухэтажным зобом и лысою толстою головой, на которой редкие космы седых волос были на отлете, не покорялись маневрам налитых жиром рук. Фигура эта пыхла и сопела, как пузатый самовар, в котором умирает последний огонь угольев, но все-таки силится продолжить свою деятельность» [Лажечников, 1994, т. 2, с. 106]. «Смех является способом построения образа, носит сатирический характер» [Фуксон, 2019, с. 75]. Гротескный способ изображения жизни был характерен для позднего творчества Лажечникова, предельное преувеличение стало художественным средством более глубокого познания жизни, выражением мировидения писателя. «Функция смеха — обнажать, обнаруживать правду, раздвигать реальность от покровов этикета» [Лихачев, 2001, с. 230]. Лажечников оперирует максимально насыщенными деталями в характеристиках чиновников города, например, в описании носа Мемнона Феоктистовича Квинтиллианова использует метафору, дополняемую гиперболизацией. Самые яркие страницы романа имеют обличительное содержание, автор создает реалистическое произведение, хотя встречаются и романтические сцены, однако доминирующим является реалистический метод, представлено контрастное изображение живого и мертвого.

5. Современная проблематика на историческом фоне в романе «Внучка панцирного боярина»

В 60-е годы, когда русская литература вновь возвращается к истории, Лажечников пишет роман из «времен последнего польского мятежа» 1863 года. Русская литература к этому времени обогатилась произведениями, которые изображали жизнь во всей ее сложности. Однако исторический роман возрождался в новой форме, когда история более играла роль фона, а коллизия сюжета ассоциировалась с современностью. Тургенев, анализируя исторические романы этого периода, отмечает упадок жанра исторического романа в традициях Вальтера Скотта: «... этот роман в наше время почти невозможен, он отжил свой век, он несовременен. У нас, может быть, его пора не пришла — во всяком случае он к нам не привился, даже под пером Лажечникова» [Тургенев, 1979, т. 12, с. 124]. Роман «Внучка панцирного боярина» сам Лажечников называл полуисторическим. Действительно, стержневыми в произведении являются проблемы нравственности, нет в романе исторических лиц, хотя автор, касаясь событий польского восстания 1863 года, упоминает

исторического героя Л. Мерославского. Можно предположить, что по жанру это социально-психологический роман с историческим колоритом. На фоне событий польского восстания Лажечников описывает проблемы своих современников, их чувства, мысли, поступки, вызванные историческими коллизиями. Герои романа — это русские и поляки. Четкая временная и пространственная определенность, ссылки на газеты и журналы того времени дают читателям возможность почувствовать атмосферу этого периода, придают повествованию историческую достоверность, что позволило Лажечникову назвать свое произведение полуисторическим. Писатель, как и в исторических романах 30-х годов, использует вальтер-скоттовский принцип — преломление истории в человеке, то есть судьбы героев определяются историческими событиями. В ходе восстания погибают Владимир Ранеев, Владислав Стабровский. После казни Стабровского Лиза Ранеева уходит в монастырь и умирает. Через образы Ядвиги Стабровской, панцирного боярина Ясулки, Владислава Стабровского, Лизы Ранеевой, Тони Лориной, Андрея Сурмина, которому доверена авторская позиция, Лажечников поднимает проблемы русского и польского патриотизма, национального характера и культуры. Русский дворянин Андрей Иванович Сурмин видит просчеты польского восстания, осуждает его националистические настроения. Лажечников прослеживает формирование характера Андрея Сурмина, дает экскурсы в прошлое героя, то есть использует принцип романов 30-х годов, когда автор раскрывал историю формирования характеров своих героев. Лажечников вводит читателей и в душевные переживания Владимира Стабровского, показывает его поиски правды, противоречивые чувства: повинование матери и любовь к ней, «блага отчизны, хотя и неверное, благодарность России, его усыновившей, так много для него сделавшей, и любовь к Лизе» [Лажечников, 1994, т. 1, с. 388]. Лажечников пытается сочетать историческое в романе с раскрытием психологических коллизий. А. Ю. Сорочан отмечает, что «в позднейших романах писатель апеллирует к проблемам современности и меняет систему описания событий в историческом времени» [Сорочан, 2008, с. 27]. В романе много реалистичных зарисовок жизни простого народа: воспоминания Ранеева, рассказы Левкоевой о жизни бедняков, судьба Калиныча. «Жилище их — шалаш, кое-как сколоченный из досконок, постель — гнилая солома, которую мочит дождь сквозь щели бивуачной крыши и парит полуденный зной. В этой конуре, на этой постели лежали не собачонки, а творения с образом Божиим», — рассказывает Левкоева [Лажечников, 1994, т. 1, с. 438]. Несмотря на некоторую связь с романтическими традициями, объективное изображение жизни, детальная разработка характеров, широта охвата действительности, стремление к жизненной правде свидетельствуют о реализме романа «Внучка панцирного боярина».

6. Заключение

Итак, проанализировав творчество Лажечникова 1840—1860-х годов, можно сделать вывод, что проза писателя этого периода носила реалистический характер. Писатель ищет новые средства типизации действительности, переосмысливает художественные приемы, которые были характерны для его романтических произведений

30-х годов. В изображении героев, их поступков и внутреннего мира отчетливо угадываются тенденции развития реалистической литературы. Типизация характеров осуществляется через правдивость деталей и конкретизацию условий быта героев. В произведениях этого периода Лажечников опирается на гоголевские и щедринские традиции. Применяя для изображения действительности различные языковые приемы, связанные с гротеском, писатель выступает против несправедливости жизни. Лажечников делает попытку типизировать характеры персонажей, стремится к психологической и бытовой достоверности, многогранной обрисовке действующих лиц.

Источники и принятые сокращения

1. *Лажечников И. И.* Собрание сочинений : в 6 т. / И. И. Лажечников. — Москва : Можайск-Терра, 1994. — Т. 1. — 672 с.
2. *Лажечников И. И.* Собрание сочинений : в 6 т. / И. И. Лажечников. — Москва : Можайск-Терра, 1994. — Т. 2. — 416 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Венгеров С. А.* И. И. Лажечников : критико-биографический очерк / С. А. Венгеров // Лажечников И. И. Собрание сочинений : в 6 т. — Москва : Можайск-Терра, 1994. — Т. 1 — С. 5—111.
2. *Ильинская Н. Г.* Творчество И. И. Лажечникова и проблема русского исторического романа 30-х годов : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. Г. Ильинская. — Ленинград, 1969. — 247 с.
3. *Исупова С. М.* Роман «Колдун на Сухаревой башне». Поиски новой художественной системы / С. М. Исупова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Журнал научных публикаций. — 2014. — № 07 (66), Ч. 1. — С. 227—229.
4. *Исупова С. М.* Социальный гротеск в романе И. И. Лажечникова «Немного лет назад» / С. М. Исупова // Общество, наука, инновации (НПК—2015) : Всероссийская ежегодная научно-практическая конференция (Киров, 13—24 апреля 2015 года) : сборник материалов. — Киров : Вятский государственный университет, 2015. — С. 2514—2517.
5. *Корчинский А. В.* «Новостной» роман 1860-х гг. : эскалация и преодоление опасностей / А. В. Корчинский // Новый филологический вестник. — 2017. — № 3 (42). — С. 81—90.
6. *Литвинова Г. С.* Творческий путь Лажечникова : автореферат ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Г. С. Литвинова. — Москва, 1960. — 20 с.
7. *Лихачев Д. С.* Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение / Д. С. Лихачев. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. — 511 с.
8. *Прокофьева Е. А.* Своеобразие мифопоэтики исторической драматургии И. И. Лажечникова / Е. А. Прокофьева // Литература в контексте культуры. — 2010. — Выпуск 20 (2). — С. 48—71.
9. *Строганов М. В.* Фабула и сюжет в поэтике А. С. Пушкина / М. В. Строганов // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17, № 2. — С. 86—110.
10. *Сорочан А. Ю.* Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века : автореферат ... доктора филологических наук : 10.01.01 / А. Ю. Сорочан. — Тверь, 2008. — 38 с.
11. *Тургенев И. С.* «Племянница». Роман. Соч. Евгении Тур / И. С. Тургенев. — В книге : Тургенев И. С. Собрание сочинений : в 12 томах / И. С. Тургенев. — Москва :

Художественная литература, 1975—1979. — Т. 12 : Избранные литературно-критические статьи, речи, воспоминания (1843—1881). — 1979. — С. 124—140.

12. Фаритов В. Т. Философия времени в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / В. Т. Фаритов // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2017. — № 47. — С. 171—183.

13. Федосеева Т. В. Автор и герой в поэме А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин» / Т. В. Федосеева // Проблемы исторической поэтики. — 2018. — Т. 16, № 1. — С. 119—137.

14. Фуксон Л. Ю. К истолкованию повести «Нос» / Л. Ю. Фуксон // Сибирский филологический журнал. — 2019. — № 1. — С. 75—81.

15. Чиркова А. В. Романы И. И. Лажечникова в историко-культурном контексте : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. В. Чиркова. — Коломна 2006. — 134 с.

FORMATION OF REALISM AS A WAY OF ARTISTIC COMPREHENSION OF REALITY IN LAZHECHNIKOV'S PROSE OF 1840—1860s

© Svetlana M. Isupova (2019), orcid.org/0000-0002-9439-6987, PhD in Philology, associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vyatka State University" (Kirov, Russia), nat.shulateva@yandex.ru.

The article is devoted to the formation of the artistic system of realism in I. I. Lazhechnikov's prose of 1840–1860. The material of the study was the last novels of the writer. The novelty of the work is seen in the fact that I. I. Lazhechnikov's prose of this period is practically not studied. It is proved that during this period the writer set himself a task of authentic depiction of life in typical characters, refusing to idealize the characters. The review analysis of the unfinished novel "Koldun na Sukharevskoy bashne" is carried out. It is suggested that this work was not completed because of the duality of the artistic tasks set by I. I. Lazhechnikov. It is noted that the writer preserving the historical flavour of the era moves away from the romantic depiction of reality. Also the novels "Belen'kie, chornen'kie i seren'kie," "Nemnogo let nazad" are analyzed. Attention is focused on the fact that in the late period of Lazhechnikov's work, the grotesque way of depicting reality expresses the writer's vision of the world, Gogol's and Shchedrin's manner of writing is felt in the presentation of various characters. The author dwells on the analysis of the novel "Vnuchka pantsirnogo boyarina." It is noted that the historical novel is revived in a new form, Lazhechnikov comprehends historical conflicts in human psychology, associating modernity with history. As the study showed, in the process of the writer's transition to a new method, his artistic system of reproduction of typical phenomena of reality begins to change.

Key words: artistic system; realism; novel; types of image; genre.

MATERIAL RESOURCES

Lazhechnikov, I. I. (1994). *Sobraniye sochineniy: v 6 t., 1.* Moskva: Mozhaysk-Terra. (In Russ.).

Lazhechnikov, I. I. (1994). *Sobraniye sochineniy: v 6 t., 2.* Moskva: Mozhaysk-Terra. (In Russ.).

REFERENCES

Chirkova, A. V. (2006). *Romany I. I. Lazhechnikova v istoriko-kulturnom kontekste: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk.* Kolomna. (In Russ.).

- Faritov, V. T. (2017). *Filosofiya vremeni v romane A. S. Pushkina «Evgeniy Onegin»*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 47: 171—183. (In Russ.).
- Fedoseyeva, T. V. (2018). *Avtor i geroy v poeme A. K. Tolstogo «Ioann Damaskin»*. *Problemy istoricheskoy poetiki*, 16 (1): 119—137. (In Russ.).
- Fukson, L. Yu. (2019). *K istolkovaniyu povesti «Nos»*. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, 1: 75—81. (In Russ.).
- Ilinskaya, N. G. (1969). *Tvorchestvo I. I. Lazhechnikova i problema russkogo istoricheskogo romana 30-kh godov: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Leningrad. (In Russ.).
- Isupova, S. M. (2014). *Roman «Koldun na Sukharevoy bashne». Poiski novoy khudozhestvennoy sistemy. Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. Zhurnal nauchnykh publikatsiy*, 07 (66) / 1: 227—229. (In Russ.).
- Isupova, S. M. (2015). *Sotsialnyy grotesk v romane I. I. Lazhechnikova «Nemnogo let nazad»*. In: *Obshchestvo, nauka, innovatsii (NPK—2015): sbornik materialov*. Kirov: Vyatskiy gosudarstvennyy universitet. 2514—2517. (In Russ.).
- Korchinskiy, A. V. (2017). *«Novostnoy» roman 1860-kh gg.: eskalatsiya i preodoleniye opasnostey*. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 3 (42): 81—90. (In Russ.).
- Litvinova, G. S. (1960). *Tvorcheskyy put' Lazhechnikova: avtoreferat... kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (2001). *Istoricheskaya poetika russkoy literatury. Smekh kak mirovozzreniye*. Sankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).
- Prokofyeva, E. A. (2010). *Svoyeobraznye mifopoetiki istoricheskoy dramaturgii I. I. Lazhechnikova. Literatura v kontekste kultury*, 20 (2): 48—71. (In Russ.).
- Sorochan, A. Yu. (2008). *Formy reprezentatsii istorii v russkoy proze XIX veka: avtoreferat... doktora filologicheskikh nauk*. Tver'. (In Russ.).
- Stroganov, M. V. (2019). *Fabula i syuzhet v poetike A. S. Pushkina. Problemy istoricheskoy poetiki*, 17 (2): 86—110. (In Russ.).
- Turgenev, I. S. (1979). *«Plemyannitsa». Roman. Soch. Evgenii Tur.* In: Turgenev, I. S. *Sobraniye sochineniy: v 12 tomakh*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1975—1979. 12: *Izbrannyye literaturno-kriticheskiye statyi, rechi, vospominaniya (1843—1881)*, 124—140. (In Russ.).
- Vengerov, S. A. (1994). *I. I. Lazhechnikov: kritiko-biograficheskiy ocherk*. In: Lazhechnikov I. I. *Sobraniye sochineniy: v 6 t., 1*. Moskva: Mozhaysk-Terra. 5—111. (In Russ.).